

Оседло-земледельческий компонент в системе кочевого общества

В последние десятилетия особый интерес в исторической науке вызывают проблемы генезиса государственности на территории нашей страны. Вместе с тем вопросы развития политико-потестарных систем кочевников Евразийских степей относятся к одним из наименее изученных в отечественной науке. Причина этого кроется прежде всего в методологическом подходе, основанном на причинно-следственных связях и сугубо механистическом понимании развития. Немалый урон исторической науке Казахстана нанес диктат марксистско-ленинской идеологии, подменявшей все многообразие живой истории жесткой схемой классового подхода и экономического детерминизма.

Наиболее дискуссионной является проблема отсутствия или наличия у номадов государственности в принципе. Еще в 1929 г. известный русский востоковед В.В. Бартольд пришел к мнению о возможности создания кочевниками собственных социальных институтов государственного характера в связи с имущественным неравенством, социальным расслоением общества и классовой борьбой¹. Долгое время эта концепция считалась господствующей в исторической науке, но уже в конце 60-х – начале 70-х годов, в связи с пересмотром формационных характеристик кочевого общества, стала ставиться под сомнение возможность возникновения номадного государства на самостоятельной основе. В работах А.М. Хазанова, Г.Е. Маркова, Н.Н. Крадина, Т.Д. Скрынниковой говорится о зависимости генезиса государственности от подчинения кочевниками оседлых регионов². Таким образом, эти авторы считают, что «государство как институт управления обществом не было необходимо кочевникам для решения внутренних проблем. Кочевая государственность возникала исключительно для решения внешних задач»³. Между тем упускается из внимания тот факт, что так называемое «кочевое» общество не являлось чисто кочевым, а представляло собой комплекс кочевых, полукочевых и оседло-земледельческих элементов, тесно взаимосвязанных и представляющих собой единую систему. Даже отсутствие классового деления не может в таком случае ставить под сомнение возможность возникновения государственности.

Если бы общество номадов было чисто кочевым, то все регулятивные функции могли бы быть успешно реализованы в рамках потестарных объединений, но реальное общество кочевников было более сложным хозяйственным организмом. Так, ряд исследователей говорит о продолжении традиций комплексного хозяйства в I тыс. до н.э., когда «в степях идет интенсивный поиск наиболее прогрессивных форм, соответствующих определенным экологическим нишам. Появление больших поселений ..., огромных многокамерных домов..., разнообразия типов и высокий КПД серпов и

их массовое производство ... указывают на переход части населения степей к более интенсивному хлебопашеству»⁴. Оседлой и полuosедлой была часть населения Семиречья, Восточного и Южного Казахстана⁵. Северные регионы Казахстана характеризовались комплексным хозяйственно-культурным типом с сочетаниями полuosедлой и полукочевой формами скотоводства⁶. Исследования археологов выявили даже крупные поселения городского типа как на юге Казахстана (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла, Баланды), так и на севере (Ак-Тау)⁷ и остатки ирригационных систем в низовьях Сырдарьи⁸. Что интересно, традиции оседлости и градостроительства в долину Сырдарьи пришли не с традиционно-земледельческого юга, а из северных регионов — из Западной Сибири через Центральный Казахстан, что говорит о достаточной развитости оседло-земледельческого хозяйства в благоприятных для этого регионах Северного Казахстана и Сары-Арки⁹. Исследователи считают, что города-крепости были центрами округов, в состав которых входили также монументальный мавзолей и сельские поселения¹⁰. Так, даже в Центральном Казахстане, где раньше всего осуществляется переход к кочевому скотоводству, продолжает широко бытовать керамическая посуда, не приспособленная к частым передвижениям. В этом регионе Сарыаркинской археологической экспедицией открыто свыше 10 поселений 1 тыс. до н.э. Среди находок обнаружены остатки керамики, каменные мотыги¹¹. Как мы видим, так называемое «кочевое» общество представляло собой сложный социальный и хозяйственный организм. **Для более поздних кочевников, от хунну до казахов, наличие оседло-земледельческого компонента также было обязательным условием существования политической организации. Постоянным источником поступления налогов для хунну были оазисы Восточного Туркестана, где была учреждена должность «воеводы покоренных земель», который «взыскивал богатства и подати с тех государств»¹².** Важной статьёй поступления в казну была дань Китая, составлявшая ежегодно 10000 даней (ок.1 млн. литров) рисового вина, 5000 ху проса и 10000 тыс. кусков (более 22000 м.) шелка, которые целиком шли на обеспечение ставки шаньюя¹³. Правители хунну обращали большое внимание не только на сбор налогов, регулярные и периодические дани и трофеи, но и на формирование податного сословия в собственно хуннских землях. Это население составлялось из оседлых хунну, военнопленных, перебежчиков и насильственно переселенных жителей завоеванных стран. Так, шаньюй после завоевания Восточного Туркестана «переселил более 6 тыс. пулэйцев в Аэ на западной окраине владений хунну»¹². В результате в степи возникали целые города со смешанным населением, занимавшимся земледелием и ремеслом. Сегодня известно более 10 укрепленных городов хунну и большое количество неукрепленных поселков¹⁴.

Источники говорят о летней столице шаньюя Лунчен и зимней — Дайлин, городе Чжаосиньчен, административном и политическом центре северных хунну Бэйтине¹⁵. Очевидно, что население крупных поселений городского типа и небольших поселков специализировались на поставках продовольствия, оружия и других необходимых ремесленных изделий для нужд армии хунну, неся, таким образом, повинности в пользу государства.

Традиции налогообложения сохранились в государствах VI–XII вв., в частности, в тюркском каганате. Неизвестно, были ли какие-либо постоянные и фиксированные сборы с собственно тюркского населения каганата, но жители зависимых областей были обложены тяжелыми податями. Так, в Агванию, завоеванную в 629 г., западно-тюркский джабгу-каган «отправил смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познания в золотопромывании, добывании серебра, железа и выплавке меди. Он требовал также пошлины с товаров и ловцов на рыбных промыслах..., вместе с тем и дидрахму по обыкновенной переписи царства персидского»¹⁶. Широко практиковалось поселение пленных в тюркских землях с целью формирования из них податного населения. Существовали целые поселки, заселенные исключительно военнопленными, платившими тюркам дань продуктами земледелия и ремесла¹⁶.

Податным населением каганата были также таты — согдийское население Семиречья и Средней Азии. Основным источником пополнения бюджета была государственная монополия на торговлю шелком, который каганы получали в Китае в качестве податей, дани и контрибуций. Так, империя Чжоу в VI в. выплачивала тюркам ежегодно 100 тыс. кусков шелка¹⁷, который продавался в Иран и Византию через согдийских купцов¹⁸.

Постоянным источником налоговых поступлений для казахских правителей служили городские округа с их ремесленным производством, торговлей и оседло-земледельческое население. Отсюда постоянные попытки казахских правителей расширить эту категорию своих подданных. Так, в источниках есть многочисленные указания на то, что Абылай-хан распространял на подвластных землях хлебопашество¹⁹. Султан Абулфеиз, как когда-то хунну и тюрки, поселял на подвластных ему землях пленных «ради производства хлебопашества»²⁰. Потеря присырдарьинских городов в конце XVIII – начале XIX вв., кризис земледелия в результате глобального усыхания и потепления климата вызвали сокращение налогооблагаемой базы Казахского ханства и в значительной мере повлияли на процесс ослабления и кризиса кочевой государственности.

Тем не менее у казахов, вплоть до середины XIX в., было хорошо развито земледелие, причем не только в южных районах, а по всей территории Казахстана, что прекрасно описано в книге коллектива

авторов «Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.», вышедшей в Алматы в 1980 г. Более того, преимущественно поливное плужное земледелие казахов технологически было более сложным и развитым, чем одновременное ему богарное земледелие русских. Известно, что в 30-е годы XIX в. казахи даже продавали зерно русскому населению в городах и на пограничной линии²¹. Урожайность казахских пашен была зачастую выше, чем русских. Так, «Земледельческий журнал» в номере 19 от 1827 г. сообщает, что под Каркаралинском на целинных землях в 1825 г. казахи посеяли на 16 десятинах рожь, по одной четверти на десятину и получили при этом урожай в 205 четвертей. В следующем году с 18 десятин было снято уже 70 четвертей ржи, т.е. урожайность резко упала. В тот же год рядом с казахской пашней казахи-аргыны имели свою пашню, на которой, посеяв 4,5 пуда пшеницы (а не ржи), получили урожай в 100 пудов²². Оренбургский генерал-губернатор как представитель колониальной администрации П.П.Сухателен считал, что «киргизы (т.е. казахи. — Е.А.) могут быть полезны России только в виде кочевого народа, как потребители наших хлебных продуктов и мануфактурных изделий и как производители кож и других сырых предметов»²³. Эти мысли были юридически оформлены в «Положении» 1844 г., по которому казахам запрещалось не только осваивать пашни, но и строить зимовки и заниматься сенокосением. Особенно сильный удар по казахскому земледелию нанесла переселенческая политика конца XIX – начала XX вв., в результате которой казахи лишились многих пахотных и пастбищных угодий.

Как мы уже говорили, ряд авторов признает за кочевниками возможность создания государства только лишь при условии завоевания ими оседлых регионов. В частности, Н. Крадин, считает, что «Хуннская империя являлась государством во внешних делах, но более соответствовала признакам вождества ... в своей внутренней деятельности»²¹. Во многом это положение основывается на концепции западных этнографов, считающих, что в кочевых обществах «иерархические политические институты зародились только благодаря внешним связям с государствами и никогда не развивались только как результат внутренней динамики такого общества»²². Тот же Н.Крадин предлагает называть государство хунну «ксенократическим» (от греч. «ксено» — наружу и «кратос» — власть)²³. Таким образом, оседло-земледельческий компонент признается им «чуждым» для кочевого общества.

Ниже мы попытаемся проанализировать кочевое общество в контексте системного подхода. Важнейшее место среди факторов, ведущих к возникновению и функционированию системы, занимают факторы, порождаемые объединяющимися в систему элементами. Фактор взаимодополнения обеспечивает связь между элементами социальной системы в силу того, что отдельные люди и группы не могут

осуществлять в полной мере социальные, экономические и политические отношения. Факторы индукции отражают присущее всем системам свойство «достраивать» систему до завершенности. Таким образом, данные факторы неизбежно приводят к неоднородности любого общества и одновременному существованию в нем различных подсистем — хозяйственных укладов, классов, субъектов правоотношений и т.п.

Стабилизирующие факторы относятся не только к системообразующим, но и системосохраняющим и включают в себя постоянные структурные характеристики системы, образующие ее «скелет». Функциональные факторы выражаются в виде возникающих в процессе специфического взаимодействия элементов системы связей. Это взаимодействие обусловлено тем, что элементы системы изначально неоднородны и выполняют характерные, специфические функции. Целостность системы при этом обеспечивается не только существованием разнофункциональных элементов, но и их взаимодействием. Важнейшим системообразующим фактором является фактор обмена веществом, энергией и информацией. В социальной системе преобладает обмен информацией, в то же время имеет место обмен энергией в овеществленной форме (пища) и веществом (ценности, материальные ресурсы и пр.) как через торговлю, так и через налогообложение. Кроме того, для функционирования политической системы большую роль играет непосредственный обмен энергией через выполнение повинностей, т.е. использование физической энергии людей. Применительно к нашему объекту исследования это означает, что многомерность «кочевого» общества будет не только существовать в момент его формирования, но и воспроизводиться.

Это означает, что потеря одного из компонентов системы, в данном случае оседло-земледельческого, приведет к попыткам вернуть его, а при невозможности — «достроить» данный компонент за счет других ресурсов. Сюда мы можем отнести попытки хунну, монголов, казахов постоянно контролировать земледельческую периферию или создать оседло-земледельческие зоны в «традиционно» кочевых регионах из военнопленных, беглых и т.п.

Любую сложную систему можно представить как структурную иерархию, пирамиду из подсистем, которые в свою очередь являются иерархией для подсистем более низкого уровня.

Если представить кочевое общество в качестве системы, то его «животноводческо-кочевая» и «оседло-земледельческая» части выступят в качестве компонентов, подсистем единого целого, выполняющих различные функции. При этом критерии выделения данных компонентов не только и не столько хозяйственно - экономические. В данном случае каждый из компонентов - это комплекс, включающий в себя политическую, правовую, экономическую,

культурно-религиозную составляющие, что применительно к казахскому обществу XV–XIX вв. можно представить в виде таблицы.

Таблица

Соотношение компонентов казахского общества XV–XIX вв.

	Компоненты системы	
	«Кочевой»	«Оседлый»
	Характеристики компонентов системы	
Политическая организация	— Потестарная (родоплеменная) организация населения — Авторитарная власть лидеров потестарных объединений — Широкая автономия потестарных объединений	— Территориальная организация населения — Назначаемость руководителей административных единиц — Ограниченная автономия административных единиц либо полное ее отсутствие
Хозяйственно-экономическая характеристика	— Полукочевое скотоводство с отельными элементами земледелия — Домашние ремесла	— Оседлое земледелие и скотоводство — Товарное ремесло — Торговля
Правовая система	— Господство адата — обычного права — Суд биев, выдвинутых в соответствии с их авторитетом — Субъект права — община	— Господство шариата — религиозного права — Суд казиев, назначенных светским правителем — Субъект права — индивид
Культурно-религиозная характеристика	— Господство устных форм литературы — «Народная» суфийская традиция: баксы, культы покровителей домашних животных (Камбар-ата, Шопан-ата и другие)	— Господство письменных форм литературы — «Книжная» суфийская традиция: дервиши, суфии, культы святых (Йассави, Сатук-ата и другие)

При этом столь различные характеристики данных компонентов обеспечивали выполнение ими различных, но взаимосвязанных функций. Так, «кочевой» компонент обеспечивал функции воспроизводства, консолидации, защиты системы, а «оседло-земледельческий» — информационно-торгового обмена с окружающим миром.

Следует отметить, что на самом деле в обществе существовало большое количество групп населения, занимавших промежуточные позиции. Значительную часть «кочевого» социума составляли кочевники, находящиеся в процессе оседания, оседлые крестьяне, занимающиеся отгонным животноводством, городские группы населения, не порвавшие окончательно со своими потестарными (родовыми) объединениями, и выходцы из оседлых регионов, инкорпорированные в потестарные сообщества (кірме). Караванной торговлей занимались

преимущественно горожане, но есть факты, свидетельствующие об участии в данном виде деятельности и отдельных представителей «кочевого» компонента. Несмотря на господство в «кочевой» среде домашнего, т.е. нетоварного ремесленного производства, отдельные ремесленники (арбашы, ұйші) производили продукцию для продажи или обмена.

Приведем пример, отчетливо показывающий органическую связь выделенных нами компонентов системы. Как видно из предложенной нами выше таблицы, важнейшим объединительным фактором для компонентов системы (кроме политического единства) была единая соционормативная культура, основанная на ханифитской трактовке ислама, допускающей как адат (обычное право), так и шариат. При этом ислам в казахском обществе с самого начала носил форму суфизма.

Суфийский характер раннего ислама в Казахстане подтверждается огромным количеством источников. Народная традиция связывает основоположника клановой группы Карахан сословия кожа Абд ар-Рахим-баба (Сатук-ата) с основателем династии Караханидов Сатук-богда-ханом. Особую роль в распространении ислама в Казахстане сыграл основатель и руководитель суфийского братства йасавия Ходжа Ахмет Йасави (1103–1166 гг.), который был последователем Абу Якуба Юсуфа ал-Хамадани и учеником легендарного Арстан-баба. При ханах Золотой Орды процесс исламизации кочевников продолжился. В 1251 г. под влиянием шейха братства кубравийа Сайф ад-дина Бахарди ислам принял царевич (с 1257 г. — хан) Берке. Массовая исламизация кочевников, происходившая в начале XIV в. при хане Золотой Орды Узбеке (1312–1342 гг.) связана в преданиях с именем Баба Тукти-шашты Азиза (Баба-Туклас), легенды о котором прямо указывают на суфийский характер его учения.

Казахские ханы и султаны были мюридами братства накшбандийа и этому есть целый ряд свидетельств в письменных источниках. Так, хан Касым (1511–1518 гг.) заявлял ходже Мухаммад Ислам Джуйбари: «Вы сын наших пиров (учителей)». Дальнейшее распространение ислама в Казахстане связано с братством накшбандийа. Миссионерской деятельностью прославился Ходжа Исхавали и Ходжа Хидайат Аллах (Хазрет-и Ишан) — основатели черногорской и белогорской ветвей этого братства. Мюридами Ходжа Исхака были ханы Сыгай (1580–82 гг.) и Тауекель (1582–1598 гг.). Одним из центральных понятий суфизма является Путь истины — «Хак жол» — духовное общение (созерцание или соединение) человека с Богом через посредство личного психологического опыта²⁴. В хикметах Ходжи Ахмета Йасави, опубликованных в Казахстане, слово «Хак» — «Истина» встречается более 160 раз. Рефреном сквозь все строки проходит призыв служить Истине (Аллаху), идти по пути Истины

(Аллаха). В соционормативной культуре казахов данный термин означает не только «истина», но и «право» — хұқық. Таким образом, суфийский термин «путь — жол» становится синонимом законодательства.

Употребление данного термина в правовом контексте отмечено для двух вариантов кодификации обычно-правовых норм, предпринятых казахскими ханами, — «Қасым ханның қасқа жолы» (Светлый путь хана Касыма), «Есім ханның ескі жолы» (Древний путь хана Есима). В данном случае термин «жол» выступает в значении «свод правил», «кодекс». О таком значении термина «жол» говорят практически все исследователи обычного права казахов. Так, С.Зиманов пререводит термин «жол» как «правила», «установления» и «уложения»²⁵. Он отмечает, что данный термин, наряду с «жора», «жаргы», «жоба», употреблялся в том случае, когда необходимо было подчеркнуть важное значение норм. При этом указанные термины иногда употреблялись в парном сочетании: «жол-жоба», «жол-жора»²⁶.

Вместе с тем следует отметить бытование и другое значения термина «жол». Так, при определении преимущественного права того или иного лица в различных ситуациях у казахов употребляется формула «жолы үлкен» (букв.: его путь больше). Данная формула применяется при определении юридического (не фактического) старшинства лиц при распределении угощения, почетного места на официальных собраниях, места в боевом порядке, военных трофеев, а также при решении земельно-водных и других имущественных споров. Таким образом, второе значение термина «жол» — «право», причем очевидно, что первичным является значение «закон», «правила», так как преимущественное право — «үлкен жол» определялось именно исходя из норм обычного права.

Данный частный пример показывает, что при очевидной обособленности оба компонента системы были тесно взаимосвязаны. Подобный анализ можно было бы провести и в отношении других характеристик компонентов — хозяйственно-экономической, политической, но объем данной статьи не позволяет этого сделать.

Вполне очевидно, что выделенные компоненты не могут существовать друг без друга. Именно поэтому при искусственном отрыве «кочевой» составляющей казахского общества от Присырдарьинского региона в XIX в. привел к кризису кочевого хозяйства. При этом такой же кризис испытывают и городские округа Южного Казахстана, хотя они оказались в сфере влияния «родственного» в культурном и хозяйственном плане Коканда. При этом, мы считаем, что именно эта «родственность», а точнее, однородность, и стала причиной данного кризиса — в условиях господства оседло-земледельческого уклада функции, традиционно выполнявшиеся городскими округами Южного Казахстана, оказались

невысокими. В результате цветущие в XVI–XVII вв. города в XIX в. пришли в полный упадок.

Как мы видим, системный подход является перспективным направлением развития познания мира, позволяющим решать ряд взаимосвязанных аспектов как онтологического (системен ли мир, в котором мы живем?), так и гносеологического характера (системен ли процесс познания мира?)²⁷. Если в естественных науках принципы самоорганизации достаточно утвердились, то процесс изучения социальных систем только начинается.

Список литературы:

1. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. — Т. 2. — Алматы, 1997. — С. 34–35.
2. Хазанов А.М. Социальная история скифов (Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей). — М., 1975; Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. — М., 1976.
3. Крадин Н.Н. Империя хунну. — Владивосток, 1996. — С. 23.
4. Кузьмин Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма. Возникновение кочевого скотоводства // Вестн. древней истории. 1997. — № 1. — С. 92.
5. Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К., Жумаганбетов Т. Археология Казахстана. — Алматы, 1993. — С. 133.
6. Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. — Свердловск, 1989.
7. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: В 5 т. — Т. 1. — Алматы, 1996. — С. 180–181, 195.
8. Андриянов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. — М., 1969. — С. 192–199.
9. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н. э. — М., 1999. — С. 190–191.
10. Там же. — С. 103.
11. Бейсенов А.З. Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане // Изв. Министерства образования и науки РК, НАН РК. — Сер. общ. наук. 2002. — № 1. — С. 38–40.
12. Краткая история уйгуров. — Алма-Ата, 1991. — С. 60.
13. Крадин Н.Н. Современные проблемы хуннологии // Гумилев Л.Н. История народа хунну: В 2 кн. — Кн.1. — М., 1998, — С. 431.
14. Давыдова А.В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сунну // Краткие сообщения института археологии. Вып.154. — М., 1978.
15. Кызыласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. — М., 1984. — С. 12–14.

16. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М., 1993. — С. 55.
17. Там же. — С. 32.
18. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. — Алматы, 1992. — С. 92–93.
19. Аполлова И.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. — М., 1960. — С. 175–177.
20. Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв. — Алма-Ата, 1980. — С. 156.
21. Крадин Н.Н. Империя хунну, 1996. — С. 147.
22. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. — М., 1997. — С. 11–12.
23. Крадин Н.Н. Современные проблемы хуннологии. — С. 425.
24. Акимушкин О.Ф. Суфийские братства. Сложный узел проблем // Дж.С. Тримингэм. Суфийские ордена в исламе / Пер. с англ.; Под ред. и предисл. О.Ф. Акимушкина. — М., 1989. — Вып. 1. — С. 4.
25. Зиманов С. Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы казахского обычного права.— Алма-Ата: Наука, 1984. — С. 13.
26. Там же. — С. 16.
27. Блауберг И.В., Юдин В.Г. Становление и сущность системного подхода. — М., 1973.

фамилия автора: Е. А. Абиль

теги: Земледелие. Кочевая государственность. Оседлость

журнал: Вестник КарГУ

год: 2006

город: Караганда

категория: История